

Пока часы салютуют новому году...

Есть старое поверье. Пока часы отбивают 12 ударов, — последнюю минуту старого года, — надо успеть написать на бумажке свои желания и сжечь бумажку на елочной свечке.

Тогда желания сбудутся.
«Уж полночь близится»...

И я пишу свои желания на новый — 1941 — год. Я даже иллюстрирую их притчами и примерами, — чтобы старому Деду-Морозу было понятнее.

Жил человек. Ничего человек, — как все. Даже уважали его. То ли надоело это ему, то ли лукавый его попутал, но только сбился этот человек с пути. Навторил беды, как последний нечестивец, — а сам даже не замечает этого!

И вот однажды этот нечестивец увидел старика, который горько плакал.

— О чем ты плачешь? — спросил нечестивец.

— О тебе, милый, плачу... — ответил старик. — Тебя жалею...

— Чего ж меня жалеть? — удивился нечестивец. — Я живу — дай бог всякому.

— Черны твои дела. Все тебя сторонятся, — зарыдал старик. — Вода — и та поить тебя не хочет!

— Ну, это ты врешь! — засмеялся нечестивец. — Гляди, — сейчас напьюсь! — и, взяв кувшин, он ставит его под струю колодца.

Но — диво! — струя с такою силой ударила в кувшин, что вся до капли отскочила от него обратно!

— Да твой колодец, верно, заколдован... — ворчит нечестивец.

И он идет к ручью. Но ручей уходит от него под землю! Нечестивец бросился к реке, — но река изменила русло и потекла прочь от него, как от незнакомого! Нечестивец вошел в задор и побежал к морю. Но море в тот же час ушло с отливом и, хоть бежал за ним нечестивец рысью, но не достиг его отпрядывающих волн.

Дождь, иней, снег — поить его не стали. Роса соскальзывала с цветов и быстро всасывалась в землю. Даже лужа, — зловонная и грязная, — отвергла его кувшин и высохла пред ним!

Тогда нечестивец упал на землю — с пустым кувшином, с опаленной глоткой. Заплакал он, и первая слеза, упав-

шая в кувшин, наполнила его до самых краев...

Так говорит старинная легенда, сложенная более шести веков тому назад. Но для осознания своих ошибок, осознания, смывающего застывшую улыбку зазнайства и самоуспокоенности, у нас есть другое средство — самокритика...

И этой дефицитной и нужной самокритики хочется видеть побольше в журналах и газетах, в статьях и выступлениях, в заседаниях и резолюциях... Нет, впрочем, в писательских резолюциях как-раз она присутствует совершенно достаточно!..

II

Сидит человек и рисует. Домик — и дым из трубы, домик и дым, домик и дым... Он может зарисовать такими домиками множество листов. А другой сидит и пишет: «Иван Семенович Прохоров, Иван Семенович Прохоров...» И тоже может исписать этим дести и стопы бумаги, пока не отнимут у него карандаш. А третья, бывшая таперша, — если посадить ее к роялю и положить ее руки на клавиши, — будет играть час и два и три, до полного изнеможения, как машина, польки и вальсы, венгерки и падекатры.

Это явление называется стереотипией. «Мальчик у Христа на елке» — это было творчество. Но легионы мальчиков, замержающих в буржуазных рождественских рассказах, — это уже была стереотипия. Первые наши «индустриальные» произведения явились результатом какого-то творческого освоения новых явлений нашей жизни. Но вслед за ними густо пошел всяческий стереотип. Например, очень частый, — особенно в пьесах, — треугольник из трех инженеров, из которых один — свой в доску, второй — свой уже лишь этак в полдоски, а третий — беспорный вредитель. К этому треугольнику часто полагался гарниз из шляпы-директора, бдительных бодряг-комсомольцев. В это построение, как Дед-Мороз к верхушке елки, прилагивался старый рабочий Пафнутьч или Дормидонтыч. Потом эти персонажи стали стереотипом не в одних только индустриальных повестях и пьесах, — они стали кочевать, как своеобразные «Гаврилы» (см. излюбленный персонаж в стихах поэта, осмеянного в «Двенадцати

стульях») из завода в вуз, из колхоза в новостройку. Три инженера становились в вузе профессорами («Гаврила старый был профессор, — он энергетику читал»), а в колхозе — агрономами, симпатяга Дормидонтыч был то университетским сторожем, то пасечником («Гаврила жил у нас в колхозе, — он был пчелиный педагог») и т. п.

В детских пьесах Гаврилы притворялись школьниками, — но это была унылая, многогрозавшая детскость. В пьесах и повестях «о любви и дружбе» Гаврилы притворялись в любви и дружбе, но это была все та же стереотипная липа. Иногда Гаврилы показывали, как пастух становится академиком, но и это был стереотип, а в жизни это происходит неизмеримо интереснее, а главное — совсем не так. В кино Гаврилы очень любили мундир летчиков.

Одно время Гаврилы стали состязаться, кто скорее отдаст свою кровь на предмет переливания ее раненому герою.

Потом Гаврилы ловили шпионов и диверсантов.

Потом... Но — довольно! Даже бестолковому Деду-Морозу уже и так все ясно. Напишем второе пожелание: ломка стереотипа.

III

Юноше, слепому от рождения, недавно оперированному академиком В. П. Филатовым и получившим полное зрение, врач показывает ножницы: «Что это такое?».

Юноша беспомощно отвечает: «Не знаю»...

— А ну, — потрогай! — говорит врач. Юноша быстро ощупывает предмет умными пальцами слепого, — и узнает старого друга:

— Ножницы! —

В комнату входит женщина, — она бросается к бывшему слепому и не может говорить от слез. Но он смотрит с удивлением и даже испуганно отшатывается от нее. Он ее не знает.

— Потрогай! — снова предлагает врач. И, прикоснувшись пальцами к лицу плачущей женщины, юноша радуется: «Мама!»...

Так входит в жизнь прозревшего слепого мир, которого он не знал, или успел забыть. Как чудовища, ослепляющие красками, громадностью размеров, — дома надвигаются на него, небо грозит обрушиться и задавить его...

А в пьесах и кинокартинах мир приходит к прозревшему слепому, как давно знакомая теть Соня!

...Молодая слепнущая женщина диктует соседке по палате письмо к мужу. «Прошу не разорять хозяйства... не надеваться над моими детьми и коровой... чтоб не было, как летось, когда я лежала в районной больничке, а дети баловались, а корова некормлена-непоена из хлева выламывалась и по чужим огородам бегала»...

Когда она выходит из палаты, оставшиеся несколько минут молчат. Потом Катюша, молодая колхозная бригадирша, рассказывает о себе. Когда она ослепла на оба глаза, муж разлюбил и бросил ее. Она тоже плакала, горевала, — возможно, валялась у него в ногах...

Академик Филатов возвратил ей зрение. Она вернулась в свой колхоз, и люди пошли к ней толпами со всей округи, чтоб убедиться, восхититься чудом советской науки! Ее экзаменовали: «А ну, Катрю, подивись на те тополи, — который выше, который ниже?»

Когда все ушли, бывший муж Кати остался и сказал ей: «Чему ты меня обвинуешь, тому и я сам себя обвиню... А?».

Это значило: давай, пусть все будет попржему.

Но Катя не посмотрела в его сторону и сказала сурово:

— Геть с моей хаты!

Возвращение зрения — одна из очередных модных ситуаций. Но показывается она авторами так же внешне, как последний фасон рукавов или новый оттенок лака для маникюра. Чаще всего, как простой сюжетный ход: вот был слепой, а вот он прозрел. Вчера снято, завтра готово...

А между тем за этой ситуацией — целый мир переживаний слепого, большой путь, проделываемый человеческой душой. И — большая эпопея советского ученого, пытливого, отваживающегося на труднейший и рискованный эксперимент, — его борьба с косностью и инерцией. И много еще всего...

Напишем третье и последнее пожелание: будем смотреть в корень. В сердце жизни. В скрытый смысл явлений. В глубокий мир мыслей и чувств нового человека.

Иначе все то, что мы пишем, будет всегда неизмеримо беднее этой новой жизни и этого нового человека.